
ГАВРИИЛ
ОСКОЛКИ ДУШИ
18+

Александр Бадалян

Гавриил. Осколки души

https://litres.ru/74702994
SelfPub; 2026

Аннотация

К тридцати годам Гавриил научился читать чужие мысли, но так и не понял, что делать с собственной жизнью. Днём он продаёт краску, ночью возит пассажиров по Москве. Единственное, что напоминает ему о времени, когда он был счастлив, старая фотография девочки из детского дома по имени Кайя.

Однажды в его такси садится человек, чьи мысли невозможно прочитать. Незнакомец задаёт простой вопрос: «Чего ты хочешь?»

Ответ приводит Гавриила туда, где даже смерть не обещает избавления. Там за его душу борются существа, существовавшие задолго до рождения человечества, а добро и зло оказываются не такими однозначными, как принято считать.

Гавриилу предстоит узнать, почему от него зависит судьба мира.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Александр Бадалян
Гавриил. Осколки души

Глава 1

Солнце в этот день было яростным: его лучи проникали в огромные окна школьного кабинета истории и отражались от всех предметов на учительском столе. А блик на шариковой ручке временами бил прямо в глаза мальчику, отчего он щурился, морщился и кривил нос.

— Гавриил, — отозвался взрослый мужчина в больших очках и с проседью. Его пиджак в клетку болотного цвета был весь протёрт, но из кармашка виднелся аккуратно выглаженный шёлковый белый платок.

— Ты так и будешь молчать? Весь класс сдал экзамен и уже давно пошёл отмечать конец учебного года, а ты даже не соизволил напрячься и выучить хоть один билет.

Учитель тяжело вздохнул и посмотрел на Гавриила. Тот сидел с опущенной головой и не произносил ни звука.

— Глянь, какая прекрасная погода: на дворе май!

— А что удивительного в мае? Такой же, как апрель или июнь, — быстро и чётко выпалил Гавриил и скрестил руки. Он нахмурил свои чёрные брови и уставился на учителя.

— Всё начинает цвести именно в мае! Скажем так, ста-

новление новой жизни!

— Понятно. Спасибо, — снова кратко сказал Гавриил и ещё больше наклонил голову. Казалось, шея его сейчас сломается.

— Ты никогда не любил учиться, я это помню. Ну, уже поздно что-то менять. Но вот что у тебя не отнять, так это интуицию, которая тебя никогда не подводила.

Гавриил перебил учителя, сказав, что это самое обычное везение.

— Везение? Ты никогда не ошибался, ты словно всегда знал, кто врёт, а кто говорит правду, какой верный ответ на задачу, не зная материала! Я порой задумывался: это уже дар, магия! Ведь как иначе это ещё объяснить?

Гавриил выдохнул, посмотрел на учителя так спокойно, без угрюмости и злости, что прежде были, и повторил:

— Везение. Я просто всегда угадывал.

Старый учитель громко засмеялся, пустив слюну, но, заметив, как она перелетает через две парты, быстро прикрыл рот и извинился перед Гавриилом. Однако это не остановило его.

— Гавриил, я честно не знаю, как ты это делаешь всякий раз, но если в тебе и есть дар, интуиция — называй как хочешь, — используй это, как пользуется красивая девушка своим шармом, или как умный человек — своим тонким языком, или комик, который отпускает шутку, дабы всех рассмешить.

Учитель замолчал, потёр глаза ладошками и, вздохнув, продолжил:

— Ты ведь решил уйти после девятого класса и пойти работать, совмещая работу с учёбой. Не спрашивай, откуда я это знаю. Важно другое: желание стать взрослым, независимым, которое в тебе горит, тебя может увести в сторону, и ты потеряешь себя навсегда; сейчас я вижу лишь попытки казаться другим, закрытым ото всех, и на это есть причины, но, выйдя за пределы школы, там ты будешь никому не нужен со своими принципами и моралью, а без знаний тебя будут только использовать.

Гавриил наконец приподнял глаза и внимательно смотрел на учителя, вслушиваясь в каждое его слово.

— Я хочу дать тебе всего один совет: прошу, не теряй в себе это чудо.

— Игорь Александрович, нет никакого дара. Я самый обычный мальчик. Это лишь совпадения.

— Да? Ну тогда скажи, что не знаешь, сколько жён было у Петра Первого?

Гавриил внимательно посмотрел в глаза учителя и, шевельнув губами, произнёс:

— Две.

— А сколько лет было на момент гибели царевичу Ивану, сыну Грозного?

И снова тот же пристальный взгляд. Настала полная тишина в кабинете, и даже голоса детей за закрытым окном ка-

зались сейчас громкими.

— Двадцать семь.

— И ты говоришь, что это совпадение? Это уникальный дар, и мне кажется, я знаю его разгадку…

На этом сцена прошлого оборвалась. Гавриила пробудил звонок на телефон; он сбросил его и принялся дальше пытаться доесть макароны. Он крутил вилкой по тарелке и смотрел в никуда. Его глаза хоть и бегали по стенам старой каморки, что называлась столовой на работе, но мысленно он сидел за партой в 9-м классе. А с того дня прошло ровно 15 лет. Гавриил всё крутил в голове вопрос: что надо было сделать иначе в своей жизни? Почему жизнь проходит стороной? И самый трудный вопрос, которого он боялся: чего он добился к 30 годам? Ничего не изменилось. Жизнь помотала его из города в город, пока он не обосновался в Москве. Он подружился с товарищем по работе, и теперь они снимают однокомнатную квартиру у метро, вдвоём трудятся на двух работах: первая — продажа красок, а по вечерам они обычные таксисты.

— Приятного аппетита! — войдя в помещение, сказал коллега. Он присел рядом, закинул еду в микроволновую печь и внимательно уселся глядеть в телефон.

— Что там интересного, поглядим… О-о, новый закон издали! — посыпались вырванные реплики из интернета. — Прикинь, новый закон вышел: контроль переводов с карты на карту. — Затем он почесал до красноты свой вспотевший

лоб и потряс головой.

— Гавриил, а скажи, что думаешь: наш новенький продержится? Не, ну он не прям баран бараном, может, и да, но, блин, бесит! Мутный тип, пытается обзванивать больше, чем положено, а я вот не понимаю этого!

Уже закидывая горячую картошку, коллега по работе продолжал болтать с наполненным ртом.

— Было сказано: звонить, обзванивать 50 номеров. Вот чего он рвётся всегда к цифре 67, 70? Ну вот зачем? Тебе работать так хочется? Ну иди паши на заводе!

Гавриил не реагировал, молчал, ковырялся в тарелке. А коллега продолжил, глядя в телефон:

— Короче, вымораживает меня он. Если не прекратит свои загоны, поговорю с ним!

Гавриил быстро закинул оставшуюся еду в рот, упаковал контейнер и пошёл на улицу. Встретив по пути коллег и выйдя уже за пределы офиса, он сделал глубокий вдох, поднял голову и посмотрел на узоры из облаков. Его взгляд искал любые ассоциации, и вот уже нашёл несколько похожих фигур. И тут он заговорил сам с собой:

— Куда мне дальше идти?

Он закрыл глаза, опустил голову, плечи его наклонились вперёд, и ком подступил к горлу. Пот пробежал по его спине, а в душе он ощутил холодок: страх окутал его тело. Он почувствовал себя настолько уязвимым, что готов был от любого крика или выговора сбежать, скрыться от глаз, признать

любую вину — но кричать даже не было сил. Гавриил быстро достал из кармана маленькую цветную фотографию. На ней была изображена девочка с золотыми волнистыми волосами и зелёными глазами. Он протёр фотографию несколько раз, глубоко вдохнул и спокойно выдохнул. Он почувствовал, как вся агония его невозможного страха отступила. Он поглядел на часы: перерыв уже подходил к концу. Вернувшись на рабочее место, он стал делать то, что считал самым бесполезным занятием, — обзванивать клиентов, так называемые холодные продажи.

Примерно 25 лет тому назад, в самую сердцевину ночи, примерно в три часа, в самую холодную пору, на морозе стояла девочка лет пяти. Её пробрал мороз насквозь, и каждое дуновение ветра било как хлыст по дрожащему телу; девочка ручкой билась в дверь детского дома — одного из немногих во Владимирской области. Но никто не открывал после десятка стуков. Тогда от бессилия, потеряв контроль над телом, она рухнула вперёд, ударившись головой в дверь, и прозвучал глухой стук, разбудивший охранника. Он подскочил со стула и так жадно начал сглатывать слюну, которая образовалась после ночного литра компота, и, наконец откашлявшись, решил проверить, что там произошло: может, бродячие собаки снова резвятся у них на территории? Дети иногда могли после завтрака обронить кусочек хлеба, и те всегда по ночам рыскали по двору. Он достал перцовый баллончик и бросился к двери. Как только он распахнул её, на него упала

замёрзшая малютка. Он быстро поднял её на руки, захлопнул дверь, откуда дул свирепый ветер, и бросился к нянечке, которая всегда дежурила ночью на втором этаже. Когда он вошёл без стука в дверь, с кровати вскочила взрослая женщина, увидев сквозь лунный свет силуэт охранника в тулупе, в руках державшего кого-то. Он положил её аккуратно на рядом пустовавшую кровать. И няня без малейшего слова стала быстро её полностью раздевать и проверять рукой лицо, пытаясь понять, отморозила ли она нос или уши.

— Беги за чаем! — крикнула она охраннику, а сама давай укутывать малютку под тёплое одеяло. — Бусинка, сейчас мы тебя согреем, потерпи чуть-чуть, сейчас всё будет хорошо!

Охранник бежал с горячей кружкой чая в одной руке, а в другой нёс варенье.

— Кто же в такой мороз ребёнка бросил! — возмущался он, качая головой. — Ну как она?

А нянечка молча стала поить малютку. Её сморщенные руки медленно и аккуратно наклоняли горячую кружку над заледеневшими губами ребёнка; после нескольких кружек цвет кожи порозовел, малютка смогла уже обхватить руки нянечки, что стояла над ней и продолжала поить чаем. И как только она открыла широко глаза, заблестели её яркие зелёные глаза. Увидев, что ребёнку стало лучше, охранник, выдохнув, спустился на первый этаж и принялся дальше нести свой пост. Но до самого конца своей смены он ни разу не

сомкнул глаз. Он прокручивал в голове лишь одно: какова цена его сна?

А тем временем у приоткрытой двери появился ещё один силуэт. И им был Гавриил — маленький мальчик с жгучими чёрными волосами, худощавым телосложением и красивыми добрыми глазами. Он пытался понять, что за шум был, и детское любопытство не осталось незаметным. Увидев его, нянечка, которую все называли тётей Женей, пригрозила ему пальцем и велела идти спать. Но тут Гавриил ослушался её впервые и, сделав несколько шагов вперёд, сказал:

— Тётя Женя, можно к вам?

Она немного задумалась и после кивнула ему. Гавриил медленно, в шортиках, в одной майке и в сланцах, которые были в два раза больше его ноги, прополз к ним. Он уселся рядом и смотрел на малютку. И, вытянув руку, сказал:

— Меня зовут Гавриил.

Девочка отпустила руку тёти Жени и, прикоснувшись к Гавриилу, ответила:

— А меня Кайя.

Гавриил часто возвращался в детство, но он не искал, как многие, ответов, т. к. прошлое было для него похоронено; он воссоздавал картинку в страшные моменты своей жизни. Память — такая вещь, что лучшее всегда хранит для трудных времён, и что лишь прошлое определяет настоящее. Оглянувшись назад, ты можешь изменить то, что впереди сейчас, либо оставить всё как есть. Гавриила пленило прошлое ча-

ще, чем хотелось, и избавиться от фотографии, которую он всегда держал при себе, было непосильно. Неважно, куда и когда он намеревался идти, — она была с ним навсегда.

На дворе уже стояла ночь, но огни большого города никогда не погасали до конца. Порой казалось, что жители мегаполиса не спали никогда: здесь, как онлайн, всегда можно было найти любую услугу и приобрести любой товар в любое время суток. И вот одиннадцатый час; за обеденным столом сидел Гавриил, что-то внимательно читавший в телефоне, и его друг Костя, поедавший вчерашние пельмени. Он был крайне улыбчивым и выглядел счастливым человеком. Он мог заразить любого позитивом, потому как, находясь рядом с ним, ты чувствуешь: в воздухе начинает витать гармония и заряд! Он глядел на тебя своими огромными глазами, в которых страсть, блеск и буря радости пробирались к тебе по невидимым путям, и всё это сопровождалось улыбкой, которая могла сгладить любые проблемы, вставшие у него на пути. Он не переносил угрюмых людей, говорил так: «Все беды этих людей — от переизбытка мнимого величия. И если за человеком тенью ходит мрак, то от таких следует держаться подальше». Гавриил же был серьёзным и порой слишком, в то время как Костя был всегда лёгким, как пёрышко, на подъём и любое изменение в своей жизни воспринимал со словами: «Хороший знак!»

Порой эти два разных взгляда сталкивали их лбами. Но догадаться было несложно, кто из них первым отказывался

от обид и протягивал руку перемирия.

— Завтра у тебя второе собеседование? — спросил Костя. Гавриил даже не среагировал сразу, лишь через 5 секунд вытянул затяжное «а-а-а» и кивнул.

— Ты что там так внимательно изучаешь?! — Костя доел, положил посуду в раковину и отмыл её. Он подошёл с широкой улыбкой к Гавриилу и похлопал по плечу.

— Давай, дружище, пойду-ка я работать, вернусь к утру.

— И сразу в офис? — резко спросил Гавриил, подняв чёрные брови.

— Ты чего так реагируешь? Подумаешь, из смены в смену. Не в первый раз. Ты давай лучше отдыхай, завтра у тебя более важный день, а у меня — ничем не лучше и не хуже вчерашнего. Кто-то должен из нас наконец сменить работу, профессию! Первый шаг уже сделан, наконец!

Каменное лицо Гавриила растаяло, напряжённые скулы и брови расслабились. Он потянул его за руку и обнял, похлопав по спине.

Наутро следующего дня Гавриил поспешил в центр города, в одно из тысячи офисных зданий нашей столицы — в данном случае это панельное сооружение из металлической конструкции с большими панорамными окнами. Как правило, недалеко от парадной — толпа доходяг и офисных сотрудников, толпящихся, что-то страстно обсуждающих и жадно курящих сигареты; они поглядывают на прохожих. Ну а за автоматическими дверями — металлоискатель и охран-

ник с лицом человека, проглотившего мыло. Его мысли явно не с проходящими, он задаёт вопросы и делает всё по памяти; затем на ресепшене выдаётся пропуск, и ты поднимаешься в лифт, где, как правило, скапливается очередь сотрудников, которые то и дело глазеют друг на друга.

Гавриил еле выбрался на 4-м этаже и шёл в назначенный кабинет. Где, вуаля, его ждал полиграф. Мужчина за 50 лет, бывший полицейский, считавший себя гением по раскрытию лжи и правды, попросил пришедшего Гавриила подождать за дверью. Гавриил покорно сидел в телефоне, потом смотрел по сторонам, затем подошёл к окну. И вроде люди ходят по огромному офису, и вроде всё вокруг свежо и так красиво в белых тонах, но это закрытое помещение словно напоминало аквариум, из которого так хочется выпрыгнуть. Прошло уже двадцать пять минут, и стало ясно, что его задерживают. Но тут высунулась голова старика с усами и в очках, который подозвал Гавриила.

Он не поднимал глаз, когда говорил, а говорил чётко и по делу. Голос его был приглушённым и плоским. «Здесь никто не будет с вами говорить по душам», — подумал Гавриил. Когда он объяснил всю процедуру и стал задавать вопросы, которые первое время были малоугрожающими, то потом он мог выкинуть что-то резкое, из серии: «Зачем вы при подаче документов на кредит указывали данные заведомо ложные, ведь вы не работали на тот момент?» Или вот, например, самый болезненный вопрос, который он оставил напо-

следок: «Каково это — быть человеком, не имеющим родителей? Вы думали из-за этого о суициде?» Гавриилу была очень нужна эта работа. Он принял этот вопрос как проверку на прочность, и даже в мыслях не было, что впереди сидит какой-то неизвестный человек и лезет ему в голову ради удовлетворения своих амбиций. И когда они от теории перешли к практике, когда на Гавриила надели датчики, трубки на живот и грудь, чтобы регистрировать дыхание, датчик движения и прочие измерительные приборы, вопросы были уже закрытые и совсем несложные. Но волнение, которое создал старичок, ожидание, которое он заставил испытывать, разговор по телефону ещё минут 15 при Гаврииле о его подработке в частной практике и важность данной вакансии повлекли большое эмоциональное напряжение, которое вылилось в стресс. И Гавриил понимал: полиграф он провалил. Даже если бы спросили сейчас у него, что это он убил Николая II, он бы ответил «нет», но полиграф показал бы ложь. И потому, когда тест всё же был окончен, Гавриил не смог стерпеть унижение и спросил:

— Интересная у вас работа.

Гавриил был максимально спокоен, но суров.

— Не жалуюсь, — холодно ответил он, снова опустив глаза вниз.

— А в чём она заключается? Нет, я не настолько глуп, чтобы не понимать цель происходящего, а вот именно? Ваша работа — в чём она заключается?

— Не понимаю, о чём вы, но тест окончен. Результаты вам сообщат в течение двух дней. До свидания.

Старичок снова не поднял глаз, и тогда Гавриил пошёл в нападение.

— Мне кажется, что ваша работа — копаться в прошлом кандидатов и выворачивать их наизнанку — делает вас хоть капельку живым, ведь у самого по локоть руки в грехах.

— Я бы послушал ваш бред, будь вы прикованы наручниками к столу, и если этого хочется, я могу устроить.

Гавриил закрыл глаза, сделал глубокий вдох и, медленно раздвинув губы, выдохнул и расслабил плечи, которые были напряжены, словно струны скрипки. Не открывая глаз, он стал говорить:

— Так, в прошлом вы были полицейским и не раз на допросах применяли силу?! Вы гнусный человек, и не потому, что изменяете жене и лжёте своим детям, создавая иллюзию крепкого брака, и не потому, что вы лицемер с друзьями и коллегами, и не потому, что трус, который не рискнёт пойти на бой, где будет знать, что может получить отпор, а потому, что вы не способны любить и не любили. Даже дети не смогли породить это чувство в вас. И не чувства к прекрасному наполняют ваше сердце, а ковыряние в чужих душах, чтобы увидеть боль и страх в глазах несчастных людей, так жаждущих получить эту грёбаную работу. Прощайте, мерзость! И когда в следующий раз будете снова покупать любовь за деньги, спросите себя самого: каково это — быть зверьём?

А после ублажения не посещало вас озарение: «Может, выпрыгнуть в окно?»

Гавриил покинул кабинет, но сердце продолжало кипеть от злости, его распирала несправедливость прожитого часа. А старичок, который всё же наконец поднял глаза, напоминающие серо-зелёное болото, так и продолжал стоять, прислонившись к столу. Ибо Гавриил рассказал о нём всё в точности до мелочей. Его моментально охватила паника, и самое страшное, что тогда ему пришло на ум: а что, если жена и дети узнают, кто он на самом деле?

Как только Гавриил дошёл до выхода из здания, где уже он не обращал внимания ни на кого из толпы, он сразу же позвонил Косте, не спросив, занят тот или нет, и высказал своё гневное мнение о прошедшем. Костя в ответ лишь с ним соглашался и говорил о том, что если они так испытывают кандидатов на начальном этапе, атмосфера в компании далеко не лучше. Рыба гниёт с головы, и голова та построена на плечах рабовладельца. Гавриилу оставалось только смириться. Это было не просто поражение, а очередное унижение. Но, несмотря на подкативший ком к горлу, Гавриил не опускал руки и не терял надежды, что и на его веку будет праздник. Войдя в метрополитен, он, как и раньше, вглядывался в лица всех людей и то улыбался, а то грустил; затем подумал о работе, на которую вынужден снова поехать, так как отпросился всего на 3 часа. Его с нетерпением ждал Костя, ведь, когда они работали в общие смены, день пролетал

быстрее. На перекурах Гавриил раз пять ещё вспоминал про собеседование, говорил о том, что жалеет, что не встал и не ушёл с теста, разрешив какому-то козлу пройтись по нему, на что Костя уводил тему на поиск новой работы.

И вот настал конец рабочего дня; впереди покупка продуктов, быстрая готовка еды. Как правило, Гавриил и Костя всегда покупали любой мясной продукт — главное, чтобы он был по акции, — и гарнир; иногда позволяли взять по акции газировку либо сок и обязательно в рацион они добавляли томаты и огурцы с сырой морковью. Ужин готовили всегда по очереди. После ужина, если было желание, ходили на балкон, выпивая чай, и делились идеями, планами и впечатлениями прожитого дня.

— Мне по-человечески обидно, что какая-то собака имеет право вот так лезть в душу своими грязными руками и ковыряться в головах людей, словно он в песочнице. Будь моя воля, я бы его убил, вот так бы взял, как таракана усатого, и раздавил ногой.

Гавриил разозлился и размахивал левой рукой, рисуя невидимые линии.

— Так ты ещё не забыл про полиграф?! Ну, хорошо, давай обсудим и закроем эту тему навсегда. Что даёт тебе этот гнев? Ну вот поделись. Допустим, мысленно ты его прибил, убил, уволил — на его место кого поставишь? Честного и справедливого, допустим… А почему не взяли ранее? Может, потому как система поддерживала его методы, и там на-

верняка есть камеры, да и служба безопасности в курсе всего! И 100% жалобы уже прилетали. Так что дальше? Меняем всю систему? Выходит, меняем главу компании? Или просто накажем того таракана? Потому как он был с тобой несправедлив и жесток, а боль, причинённая ему, исцелит тебя? А может, оставим всё как есть? Ты сядешь в такси и поедешь работать и в перерывах будешь продолжать искать работу.

Костя говорил легко, словно пускал пузыри, Гавриил же тяжело вздыхал.

— Может, ты и прав, такая работа и не сдалась… А представляешь, скольких людей вынуждает судьба работать на таких тараканов, а то и хлеще. У кого под завязку обязательства, ипотеки, кредиты.

Гавриил помассировал пальцами виски, затем протёр глаза и продолжил:

— Знаю, ты скажешь: каждый сам выбирает свою судьбу и строит счастье как может, но ведь…

Гавриил резко остановился и внимательно глядел в еле заметные звёзды.

— Так, какое «но»?

— Нет, нет никакого «но». И пока я не ушёл полностью в отчаяние и не уснул, пойду заварю себе кофе и поеду в центр города.

— Давай я поеду сегодня. Потом возьму два отгула.

— Нет, всё хорошо, не первый раз, не переживай, наоборот, мне нужно взбодриться, надеюсь на крутого клиента, ко-

торый расскажет вдохновляющую историю. И спасибо тебе за всё, мне кажется, не будь тебя в моей жизни, я пропал бы давно.

Костя хотел возразить ему, что это не так. Но Гавриил не дал ему даже слова сказать, а, лишь похлопав по плечу, пошёл на кухню готовить кофе и выдвигаться на ночную смену в такси.

Москва жила своей жизнью; твои проблемы и мечты она не принимает. Здесь все вынуждены крутиться, словно в блендере: на маленькой скорости ты успеваешь увернуться от ножа, но с каждым годом взросления режим блендера ускоряется, и потому времени на раздумья спустя 10 лет безделия просто нет. Гавриилу казалось, что вся его жизнь — это крепкая горка снега, которая после мягкого мороза лишь окрепла ночью, но по весне, как бы ни хотелось на ней прокатиться, солнце начинает греть сильнее, и она тает; вот и Гавриил винил в своих неудачах всё, кроме себя самого.

А тем временем одного за другим клиентов Гавриил обслуживал, довозя до места назначения. Кто-то предпочитал молча ездить, кто-то любил пообщаться, с кем-то удавалось быстро и непринуждённо провести время в пути, и в редких случаях 10 минут поездки могли длиться вечностью. Тут выпадает Гавриилу дальний заказ: далеко за пределы Москвы маршрут выстроился. Это не пугает его, несмотря на то, что обратно он может вернуться без клиента.

В пассажирское кресло позади уселся с комфортом сред-

них лет мужчина, он был одет в деловой костюм, аккуратно выбрит, и даже от него доносился шлейф духов с нотками цитруса. Он представился, поблагодарил, что заказ принял, и пообещал доплатить по приезде.

— У вас крайне редкое имя для столицы, да чего столицы, по всей стране не более двух тысяч Гавриилов бегают.

Гавриил внимательно слушал клиента и всё чаще стал смотреть в зеркало заднего вида.

— Необязательно быть гением, чтобы понять, насколько сложно работать в такси молодым людям, таким вроде вас… Вот вам примерно 30 лет, и к этому возрасту у вас должна быть реализована как минимум одна мечта: престижная работа, своя квартира, женитьба на самой красивой девушке, детки и путешествие по миру. Но в какой-то момент что-то пошло не так, и вы потеряли вкус к жизни или не приобрели его. И это привело вас именно сюда, и нет ничего, кроме мыслей. Ну, это не моё дело. Кажется, я наговорил лишнего. Как говорят люди: «Не суди, да не судим будешь».

— Однако осудили, — сказал Гавриил спокойно.

— Лишь подсветил, что себя надо ценить. Работа ночью утомляет вдвое сильнее, теряется острота зрения, реакция на препятствие снижается, а отсутствие пробок увеличивает шансы уснуть и попасть в аварию. Всё это должно окупаться зарплатой либо неким удовольствием. Но, мне кажется, удовольствия от развоза незнакомцев нет, а дохода не хватит, чтобы отложить себе на потом. Выходит, вы пленник ситуа-

ции?

— Вы гений! А давайте я угадаю, что далее скажете!

В этот момент глаза Гавриила заблестели, улыбка озарила его лицо, он думал, что понимает, к чему ведёт разговор клиент, и не мог отказать себе в удовольствии подшутить над ним.

— Я соглашаюсь с вами, сказав, что являюсь пленником обстоятельств, вы улыбнётесь. Ну конечно, быть провидцем — это безумно приятно! А вы мне в ответ, как философ, — цитатой банальной из интернета, что всё в ваших руках и каждый способен на изменения в своей жизни, нужно только взять и сделать. Верно говорю?

— Нет, — очень сурово ответил незнакомец. Он приподнял подбородок, выпрямился и облокотился назад.

— Для своих лет вы слишком торопливы, и ведь наверняка жизнь учила неоднократно вас не делать поспешных выводов, особенно с незнакомцами: спешка многих полководцев привела к гибели.

Улыбка исчезла, как вчерашний день, с лица Гавриила; он словно окаменел, и, сомкнув зубы, ухватился за руль максимально крепко.

— Я вас обидел? Прошу, не стоит злиться на меня, я ведь просто вёл беседу в надежде услышать от вас, что вы предпримете дальше.

Гавриил молча пытался проникнуть в сознание клиента, но впервые столкнулся с тем, что у человека, кроме пустоты,

он не видел ничего. Шум и тьма лишь бушевали в его голове. Это жутко напугало Гавриила, ведь он всегда имел превосходство перед любым человеком из-за дара вселяться в сознание и читать мысли, и желание уличить клиента в чём-то грязном, сокровенном, найти и в нём изъян, пропало напрочь. И как бы он ни концентрировался, как бы он ни пытался применить свой дар, ему не удавалось увидеть больше, чем чёрный цвет. Из-за переживаний он стал ёрзать в кресле, тяжело дышать и по итогу заехал на заправку со словами, что не рассчитывал на столь длинную поездку и вынужден заправиться.

Выбежав на свежий воздух, он, словно воздушный шар, лопнул и стал ругаться матом, но эти крики были направлены в никуда, в ночную гущу деревьев, что были недалеко от колонки. Волнение вновь прокралось в его душу, и он пустился в карман, чтобы достать фотографию Кайи, но не сумел её отыскать, и вот тогда им полностью овладела паника. На его лице при свете луны виднелись дрожащие губы, а по лбу выступил холодный пот, который уже блестел и по щекам, и над губой. Он кинулся бежать в здание, где оплатил бензин, и забежал в туалет, где стал умываться холодной водой и проговаривать шёпотом:

— Всё будет хорошо, всё будет хорошо, Гавриил, ничего не бойся, всё будет хорошо.

Закрыв глаза, он окунулся в самые светлые воспоминания своей жизни.

— Мы так и не смогли отыскать родителей нашей девочки, а одного имени недостаточно, чтобы как-то выйти на них.

— Ты же знаешь, это не первый и не последний раз, когда деток бросают. Главное! Она здорова и для своих лет достаточно развита. Конечно, странно, что родителей не помнит своих и даже фамилии.

— А глянь на нашего Гавриила — его словно подменили. Я его не узнаю.

— И ты заметила?

— Помнишь хоть раз, чтобы он улыбался и общался с кем-то? Я вот нет. А работаю уже здесь два года.

Это общались тётя Женя, та самая нянечка, что приводила в чувство Кайю, и воспитатель детского дома Раиса. Они стояли на жутком морозе, укутавшись в дублёнки, шапки, перчатки, подштанники, шерстяные брюки, носки и, наконец, валенки. Пар изо рта был густым, как от сигар, но, несмотря на жуткий мороз, дети активно играли: все обожали кататься на горке, построенной охранником, и также сидеть в ледяной пещере, которую он соорудил; некоторые пытались лепить из замёрзшего снега снеговиков. В то время как Гавриил не отходил от Кайи, он молча ходил за ней, пытался как-то угодить ей; когда та спускалась с горки, подавал ей руку и помогал взбираться на неё. А если кто закидывал снежками, даже пусть из ребят постарше, он бросался на них и сбивал с ног. Стоило Кайе улыбнуться, как тут же он улыбался ей в ответ; как только оборачивалась, играя с другими

детками, он каменел лицом.

Прошли годы, их дружба только крепла. И в один из дней летних, сидя на лавочке, рассуждали двое.

— Скажи, Кайя, а что будет, когда мы закончим учиться? Что дальше? Пойдём работать?

Кайя и Гавриил раскачивали обвисшие ноги и смотрели на старинный дуб на территории своего детдома.

— Ты же знаешь, я люблю петь, — сказала Кайя.

— Так ты будешь певицей? Вот только у тебя это получается плохо.

Гавриил засмеялся.

— Ты же всегда меня хвалил перед всеми, и что я лучшая в нашем хоре! Или ты мне врал? — возмутилась Кайя и отвернула голову от Гавриила, задев его своими золотыми волосами.

— Это неважно, нравится мне твоё пение или нет, лучше тебя никто не пел и не будет петь! И если ты позволишь быть твоим другом на всю жизнь, я буду им всегда!

Кайя повернулась и обняла его сильно-сильно.

— Мы будем всегда, слышишь, Гавриил, всегда рядом, миллионы лет.

Он выбрался из её объятий и стал ходить вокруг себя и задумался, проговаривая вслух:

— Миллионы лет, а сколько сейчас лет нам? 12?! Миллион вычесть 12? Не-е-е, люди столько не живут, вот 70 — да, 100 — да, но столько нулей, даже в календаре нет!

— Не принимай буквально! Просто мне так хочется! Я хочу, чтобы наша дружба длилась миллионы лет!

Наши дни. Гавриил ещё раз умылся холодной водой и, посмотрев в зеркало, проговорил:

— Ты всегда будешь жить в моём сердце, Кайя.

Приступ паники отпустил. И, доставая руку из кармана джинсов, он увидел в ладони ту самую фотографию Кайи.

Гавриил поспешил за руль и принялся продолжать маршрут. Незнакомец сразу поинтересовался, всё ли хорошо. На что Гавриил ответил: «Да».

— А так и не скажешь, с той скоростью, что вы покинули машину и так долго вас не было, — подметил он.

— Я отлучался в туалет, извините, что заставил ожидать. Расскажите, раз нам предстоит ещё в дороге провести чуть меньше часа. Откуда вы и чем занимаетесь? Если не секрет.

Гавриил решил не дожидаться наступлений и взять диалог в свои руки.

— У меня командировка сейчас. В детали своей должности посвятить не могу, но цель проста — убедить объект в том, что под каждым простым решением кроется важность. И пока вы не задали встречный вопрос, отвечу. Вот, например, вы одинокий человек, ни семьи, ни карьеры, и любое принятое решение, как вы считаете, не судьбоносное: мол, что бы сейчас ни сделали вы, кардинально не поменяется ничего, но истина в том, что как раз именно сейчас ваша судьба и решается в эти часы, секунды. Каждый раз, когда вы гово-

рите себе, что сегодня самый обычный день, ничем не отличающийся от другого, что это рутина, болото, называйте как угодно, — но это и есть определение существования.

— То есть вы бизнес-тренер? Или психолог?

— Моя награда измеряется только в результате. Либо я сумел сделать, либо провалил задание. А у психологов или тренеров больше про ощущения, там нет чёткого измерителя.

— Я не понимаю, честно, кем вы работаете и что за цель преследуете. Но хоть назвать зарплату сможете? Так, чтобы я понял.

— Не всё в этой жизни дано постичь, тем более за столь короткий период. А я работаю бесплатно, говоря на вашем языке.

Гавриил улыбался; его забавил бред от клиента. Но решил не вступать в спор, ибо первый урок он запомнил — не делать поспешных выводов.

— Допустим, вам не нужны деньги, и да, я вижу, что заказ у вас корпоративный, но за что-то вас должны купить? Если не деньги. Ещё за что можно работать? И кататься посреди ночи в соседние города.

— Например, за идею. Вот в детстве у вас была мечта, Гавриил? И измерялась она в деньгах? Больше всего чего вам не хватало?

И тут Гавриил потух, как свеча. Больше вопросов не стало; он вернулся в своё детство, чтобы самому себе ответить

на вопрос, ответ которого и так прекрасно знал.

Примерно двадцать лет тому назад. За письменным столом сидели Кайя и Гавриил; они решали задачу по математике, оставшись после уроков. Их ничего не могло отвлечь от погружения в цифры, интерес к верному ответу пленил умы детей. По итогу Кайя завершила первой и, развернувшись к Гавриилу, пристально разглядывала, как брови Гавриила то поднимались домиком, то опускались прям на глаза.

— Ура, решил! Кайя, а задача совсем не сложная!

— Только ничего, что мы последними её решили? Чему ты так радуешься?

— Какая разница? Главное, что мы решили. Пойдём уже гулять, а тетрадь оставим на учительском столе, чтобы утром он обрадовался, увидев, какие мы крутые!

— Разница есть и огромная! Если тётя Галя приготовит нам еду на час позже? Разница будет? Можешь не отвечать, она будет! И так везде и со всем.

Гавриил не подал виду, что впервые за столько времени испытал унижение: Кайя сделала ему замечания, хотя он считал, что мальчикам нельзя перечить — так говорили старшие ребята, а они были всегда правы! И вот сейчас ему казалось, что произошло что-то страшное, которое перечеркнёт их отношения; унижение он не прощал никому и никогда. Но вот злиться на Кайю он не мог и никогда не держал обиду больше минуты, ни сейчас, ни потом. Она растворялась в воздухе, как облако из-под горячего чая, и в сердце

оставалось только место для безграничной любви его к ней.

Гавриил с Кайей гуляли по садам у школы и наслаждались солнечными днями, так как сентябрь не успел ещё охладить прогретую землю. Гавриил был одет в белую рубашку, а поверх — пиджачок; ему он достался по наследству в детдоме, а тем также передавали те, кто вырастал, и так цепочка длилась, пока вещи не снашивались до дыр, от которых не спасали подкладки.

— Кайя, я часто вижу сны, где мы постоянно бежим от кого-то, прыгаем по крышам школы, то в каком-то доме окажемся, и снова бежим, даже помню, как мы выпрыгнули в окно и мягко приземлились на землю. Я просыпаюсь и ловлю себя на мысли, что я счастлив. И я там тот, кем бы хотел быть.

— А что хорошего в этих снах, что ты так счастлив? — спросила Кайя, срывая с веток маленькие яблочки, и, поделившись с Гавриилом, уплетала их.

— Меня очень сильно тревожит одна штука.

Гавриил весь скривился, то улыбался, то жевал губы, то нос чесал.

— Я не знаю, что это такое, но похоже на страх. Во сне я уверен, что ты моя, ну, в смысле, мой друг, мой человек, короче это…

Гавриил опустил голову; его шаг замедлился, и он стал чесать левую ладонь руки и так внимательно смотреть на неё, словно пытался увидеть линию судьбы. Кайя же смиренно

слушала и еле сдерживала смех.

— Хочу, чтоб ты знала: ты самый мой родной человек. Ты же обещаешь, что никогда не уйдёшь и не оставишь меня одного?

Кайя нежно улыбнулась и ответила:

— Ну куда я могу деться? Мы же живём в одном доме.

— Тебя могут забрать, все знают, что девочек забирают чаще, а такую, как ты, тем более.

— Какую такую?

— Ты всё знаешь. Не прикидывайся. Это я странный, со мной мало кто хочет общаться, а усыновить — ни за что не поверю!

— Ой, всё, пошли скорее домой, я с голоду умираю.

Наши дни.

— Видите, Гавриил, вам трудно ответить на этот вопрос честно, так как в детстве вы явно не желали денег. И моя цель — раскрыть в людях их главное желание и подарить им это. И как бы тщательно ни скрывали свои намерения, свои настоящие мысли, не говоря уже о том, какие желания из детства похоронили глубоко в душе, то стоит случиться горю или простой неудаче настичь вас — вы возвращаетесь к тем истокам, где формировались мечты и желания, но только уже смотрите с жалостью к себе из-за того, что не успели и не смогли добиться ничего из того, о чём мечтали. Представьте себе — это как прощаться с уже умершим человеком. Сущность такова человека, что осознание всегда приходит после.

Так вот, Гавриил, назовите, чего вы больше всего желали в детстве, и, уверен, там не будет слова «деньги».

— И что? К чему все эти умные суждения? Какой ребёнок будет мечтать о деньгах? Есть большая разница между умным человеком и тем, кто хочет им казаться…

Гавриил замолчал, раздумывая: «Зачем я кричу?! К чему весь этот разговор, что он хочет от меня? Благо осталось ехать двадцать минут».

— А как же все эти люди, которые просыпаются, не зная, что им сегодня делать? Чем занять себя? Кем работать? С кем встречаться? Может, построить семью с придурком из соседнего дома или с парнем, что кажется задротом из отдела аналитики, ибо мне уже 40, а рожать надо. Или лицемеры, пьющие водку за дружбу, а потом спящие с их жёнами? А может, про богатых и избалованных деток? Которым всё мало, и они всегда будут уверены, что, что бы ни случилось, отец всегда отмажет. А может, про политиков? Которые утверждают законы, говоря, что это во благо народа, но блага бывают разные и народ может сократиться до своего круга семьи. Какую бы тему нам ни пришлось обсудить, вам всё равно придётся рассказать мне правду, Гавриил. Вас очень сильно тяготит одна боль, и имя ей — одиночество. Так чего вы больше всего хотели в детстве?

По лбу Гавриила побежал пот, сердце его застучало быстрее, а руки онемели. По вискам забился нерв, словно струна, и раздался глухой гул в левом ухе, словно ветерок из скважи-

ны в форточке зимой. А клиент продолжал смотреть в зеркало заднего вида, откуда чётко наблюдал за Гавриилом. Он был спокоен и нем — никаких эмоций, словно рыба.

— Боитесь произнести слово? Ну, давайте я помогу. Вы никогда не видели своих родителей, а для людей это как быть особенным до конца своей жизни. В детдоме вы сторонились всех людей из-за того, что могли чувствовать и видеть их мысли, их желания, и, чуть повзрослев, примерно в 4 годика, вы уже понимали: это уникальность ваша. А почему не подпускали никого, кроме няньки? Потому что она меньше всех думала плохо о людях и бранилась на них без причин. И только появление одной малютки изменило твою жизнь. Та девочка была для тебя всем, пока…

Гавриил выжал тормоз до упора посреди поля и, выйдя из машины, стал идти по дороге; голова его была опущена, и от прохлады его знобило, а оставалось им ехать буквально пять минут.

Примерно 17 лет назад.

В этот день никому не спалось: по телевизору показывали боевик, который завлёк внимание как деток, так и няни с охранником. В большой комнате, где располагался десяток табуреток, по центру стояла тумба, на которой расположился телевизор, пульт от которого был потерян, и как только был перерыв на рекламу, самый маленький бежал уменьшать звук, а те, кто сидел на полу на красном ковре, оборачивались к остальным и бурно обсуждали, какие крутые сцены

они сейчас увидели, и каждый мальчишка мечтал быть похожим на главного героя. Позади всех сидел Гавриил с легко наклонённым корпусом к Кайе; его рука крепко держала её руку. Этот жест напоминал объятие двух родных людей, которые спустя годы стали любить только сильнее; этот жест был нежным прикосновением двух душ, начало данного союза которых было предрешено за долгие годы до их создания. Они не разлучались теперь друг от друга ни на минуту, их дружба, которая переросла в нечто большее, настораживала воспитателя, и та всегда находила повод сделать Гавриилу замечание за беспорядок в комнате, а Кайю уличить в распутстве за прижимы к Гавриилу.

На следующий день днём все выбрались гулять: кто в соседние дворы к знакомым, кто в саду детдома решил провести субботний день, кто-то за игрушками, а кто-то сидел, как Кайя и Гавриил, за книжками, изучая греческую мифологию и египетских богов. Они были увлечены друг другом не меньше, чем любимым занятием, будь это просмотр фильмов или чтение книг, будь это урок по истории или пробежка вокруг школы. Внезапно прозвучал скрежет скрипящей двери, и на пороге стояла воспитательница Раиса. К удивлению, сегодня она была в радостном настроении: она улыбалась во весь рот и словно парила в воздухе, несмотря на своё достаточно плотное телосложение, которое вызывало бурное обсуждение среди всех детей, потому как надевала одежду на размер меньше.

— Детки! Детишки мои.

Раиса была в полном восторге — от чего, пока неясно. Гавриил успел прочесть её мысли, но было уже поздно: в комнату вошла пара.

— Поздоровайтесь с нашими гостями.

«Это ещё кто такие?» — подумал Гавриил. Он смотрел на них и на Кайю, и вот так бесконечное число раз, пока Раиса снова не стала говорить.

— Это наша всеми любимая Кайя, а это Гавриил.

Их взгляд фокусировался исключительно на Кайе. Страх окутал зелёные глаза Кайи. Перед ней стояла пара средних лет: мужчина с проседью и большой скважиной в передних зубках, чуть выше его обветренных губ торчали рыжие густые усы; дама же была в чёрном платье и с причёской словно одуванчик: короткие серо-пепельные волосы стояли столбиками вокруг её головы, яркая красная помада и румяны, и красный кожаный пиджак; мужчина же был одет в джинсовый костюм с чёрной сумкой на поясе и в кроссовках цвета хаки. Ему не хватало бейсболки, чтобы он создал впечатление типичного американца.

Их взор не покидал Кайю. Для Гавриила это было ударом, но он с ним справлялся, успокаивая себя словами от детей постарше, что ребёнка не посмеют забрать против его воли, и не сомневался в том, что Кайя откажет любой семье, так как между ними любовь. На просьбу Раисы покинуть комнату Гавриил всячески пытался найти повод остаться: то книгу

забыл, то ботинок сполз, то что-то надо срочно сказать Кайе, и когда Раиса поняла, что он задумал, то, схватив его за руку, показала своё настоящее лицо: перекошенный рот, выпученные глаза и голос — как ножом по стеклу, а пара, наконец присевшая на стулья, только мило улыбалась и благодарила её за то, что выгнала истеричного мальчика.

— Кайя, всё будет хорошо! Кайя, посмотри на меня!

Гавриил это кричал у самой дверной арки, когда в неё Раиса запихивала его; Кайя так и не поднимала головы, а лишь сидела, склонив свой взор к рукам, которые сложила у ног своих.

Гавриил не догадывался, что это была их последняя встреча. В тот день Раиса запрягла его работой по уборке территории, и когда он вернулся обратно, закончив собирать листву, Кайи уже не было, как и не было её вещей. Больше Гавриил не видел Кайю никогда. У него осталась только маленькая фотография, которую он сохранил по сей день.

Наши дни.

— Гавриил! — закричал клиент, выйдя из машины и побежав в его сторону. — Твоей вины нет в том, что произошло тогда! К чему это привело? Посмотри на себя сейчас, ты живёшь в прошлом и пытаешься найти ответы, которые не изменят настоящее, потому что не ты допустил ошибку! Твой выбор был жить с ней! Гавриил, ну остановись, прошу.

Гавриил обернулся, так и не подняв головы.

— Я каждый день искал ответы в своей маленькой голове:

почему она бросила меня, почему её нет больше со мной! Каждый день я приходил и садился на лавочку, где мы обсуждали наше будущее, я пытался её найти!

Гавриил говорил, надрываясь, и голос его охрип.

— Она не понимала, что, если уйдёт из моей жизни, я больше не смогу жить?! Я возненавидел её всем сердцем и проклинал её каждый день! Каждую ночь я желал всем людям сдохнуть, чтобы как-то легче стало мне! Но мир жил дальше, а я стал комком из ненавистей ко всему живому и тонны сожалений к себе.

Клиент подошёл к Гавриилу на расстоянии вытянутой руки.

— Я понимаю, что уже влип в какую-то неприятную ситуацию, ведь вы не человек, возможно, и я тоже, но я устал убегать от всего чего-то неизвестного, ведь вы первый, чьи мысли я так и не сумел прочесть, но я вас не боюсь! я ребёнок, от которого отказались родители, и так предательски, как я считал в далёком детстве, обошлась единственная живая душа, которую я люблю по сей день, не сломает ничего!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.